

Нѣсколько словъ по поводу Федоровской записи легенды о Крестномъ сынѣ.

Въ извѣстномъ сборникѣ народныхъ легендъ А. Н. Афанасьева подѣ № 30 напечатанъ разсказъ: „Крестной отецъ“, вторая половина котораго есть вариантъ распространенной сказки о Незнайкѣ, а первая носитъ чисто-легендарный характеръ и восходитъ къ находящейся въ собраніи В. И. Даля легендѣ: „Повѣсть о сынѣ крестномъ, како Господь крестилъ младенца убогаго человѣка“. Послѣднюю А. Н. Афанасьевъ помѣстилъ въ примѣчаніяхъ къ упомянутому разсказу, замѣтивъ, что она „очевидно выписана изъ какого-нибудь рукописнаго сборника, но къ сожалѣнію свѣдѣній объ этой рукописи не сообщено“. Съ этой повѣстью находится въ ближайшемъ отношеніи легенда, списанная съ молоканской рукописи Н. Ѳ. Федоровымъ. Оба списка восходятъ къ одной редакціи, но нѣкоторыя особенности послѣдняго заставляютъ предполагать, что онъ является записью устнаго пересказа легенды. Прежде всего писца стѣснялъ совершенно незнакомый ему книжный языкъ повѣствованія; онъ не знаетъ ни формъ, ни лексики: „Свѣтлозлачный“ и „свѣтлозрачный“; „утѣшу“ и „утишу“; „мы тебя родихъ ты“; „онъ ему не имаша вѣры“; „азъ мы такихъ яичекъ не имали“; „азъ я отецъ твой крестный“; „мы не имамъ“; „и пріяхъ кумъ у священника благословеніе и крестиша детище и тойжде кумъ даше“.... „онъ.. въ домъ не пойдоша“..... Видимо, записывавшему хотѣлось передать славянскія выраженія слышаннаго. Изложеніе распространено повтореніями сравнительно съ рукописью Даля, отличающейся бѣльшей сжатостью изложенія. Спутанъ порядокъ судовъ: третій и четвертый рукописи Федорова соотвѣтствуютъ четвертому и третьему рукописи Даля; кромѣ того послѣдній не понятъ и переданъ не вѣрно. У Даля: „Той же младенецъ видѣ на землѣ: у нѣкотораго купца, богатаго человѣка, во храмѣнѣ жена его отъ мужа своего творяще

блудъ съ прелюбодѣями“... У Ѳедорова: „Той же младенецъ видя на землѣ въ нѣкоторой храминѣ жена съ мужемъ творящи блудъ“... Далѣе—прибавленъ пятый „судъ“, отсутствующій у Даля: младенецъ просить Господа исполнить всякимъ избыліемъ убогаго отца своего—подробность, не имѣющая отношенія къ предыдущему. Отвѣтъ Господа своему крестнику выдѣленъ въ „шестой судъ“, но изложенъ въ общемъ одинаково съ рукописью Даля.

Таковы главнѣйшія отличія. Печатаемый текстъ интересенъ, во первыхъ, какъ попытка записи въ книжной архаизаціи слышанной легенды; во вторыхъ—она даетъ изложеніе всей повѣсти. У Аванасьева перепечатка обрывается на разсказъ о томъ, какъ крестникъ былъ возвращенъ съ высоты небесной въ домъ родительскій. Далѣе идетъ слѣдующая замѣтка: „Легенда оканчивается такъ: мальчикъ ради душевнаго спасенія покидаетъ родительскій домъ, удаляется въ непроходимые лѣса, и затворившись въ пещерѣ, день и ночь трудится Богу. По блаженной кончинѣ, мощи труженника были прославлены даромъ исцѣленія больныхъ, недужныхъ и скорбныхъ.“ Этотъ сдѣланный Аванасьевымъ краткій пересказъ содержанія восполняется теперь текстомъ самой легенды.

Въ примѣчаніяхъ Аванасьевымъ приведенъ еще рядъ западныхъ параллелей разсказамъ о крестникахъ небожителей и людяхъ, восхищенныхъ на небо. Дѣйствіе настоящей легенды, происходящее въ городѣ Антоурѣ (у Даля) и—Антцебургѣ (у Ѳедорова) заставляетъ предполагать именно о чужеземности сюжета этой легенды.

С. Шамбинаго.

